

УДК 13:323.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V250

*САПАН Илья Евгеньевич, аспирант кафедры социальной философии и философии истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор 5 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8300-1679>

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМА СМЫСЛОВОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ В РАМКАХ СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

В статье автор рассматривает два социальных феномена, а именно: общественное мнение и публичное пространство, в рамках системно-коммуникативного подхода. Актуальность данной работы обусловлена тем, что на сегодняшний день как в России, так и за ее пределами тема общественного мнения, публичности, массовых убеждений получила огромное внимание со стороны самых разных сфер общественной жизни, в частности политической, что автоматически может активировать исследовательский интерес в академической среде. Теоретической базой настоящей статьи является общая социальная теория Никласа Лумана. Цель работы – экспликация особых характеристик общественного мнения как качественно уникального пространства коммуникаций, необходимого для политической системы в целях собственного воспроизводства. Рассматривается проблема интерпретации общественного мнения, его особенности как коммуникативного феномена, а также последовательно излагается конструкт теоретических позиций Н. Лумана. Признавая особую роль средств массовой информации в качестве «актора», придающего общественному мнению различаемую форму, автор демонстрирует, что расхожая точка зрения о массмедиа как манипуляторе массовыми убеждениями является зачастую преувеличенной и даже предписанной: так, массмедиа может предлагать, даже навязывать повестку, руководствуясь стремлением создать сенсацию, но не может заставить ее всецело акцептировать. Постулируется тезис, что не только новость ищет своего читателя, но и читатель ищет свою новость. Опираясь на данные позиции, автор делает вывод, что в рамках политической системы общественное мнение является коммуникативным инструментом для принятия общеобязательных решений, а не суммой индивидуальных воззрений, демонстрируя таким образом мифологическую нагруженность понятий «демократия», «выборы» и «народная воля».

Ключевые слова: общественное мнение, публичное пространство, массмедиа, социальная система, политика, манипуляция, коммуникация, Н. Луман.

*Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: isapan1994@gmail.com

Для цитирования: Сапан И.Е. Общественное мнение и публичное пространство: проблема смысловой взаимосвязи в рамках системно-коммуникативного подхода // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 103–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V250

Общественное мнение: проблема интерпретации

Известно, что понятие «общественное мнение» имеет массу определений, в силу чего мы можем наблюдать сложность в попытке его всестороннего анализа. Данное обстоятельство подтверждается еще и тем фактом, что многие понятия претерпевают ряд существенных смысловых метаморфоз в ходе истории их употребления. В этом смысле мы можем согласиться с утверждением Райнхарта Коззелека, что «понятия – это и показатели, и действующие силы политической и социальной жизни» [1, с. 61] в силу того, что их употребление «подвержено также действию внелингвистических сил, таких как социальные структуры, которые не могут быть изменены в одночасье» [1, с. 67]. Тем не менее данная проблема – проблема общественного мнения, а вместе с тем и роли массмедиа в его формировании, трансляции, самом образе публичности – сегодня актуализируется не только в социальном теоретизировании, но и в плоскости практикоориентированных интересов различных политических, академических и творческих групп.

Рассуждения о таком явлении, как «общественное мнение» занимали немало выдающихся умов, проявивших себя на ниве философской, социологической и политической мысли. Мы можем вспомнить имена известных авторов: Дж. Локка, Н. Макиавелли, А. де Токвилля, Ф. Тенниса, У. Липпмана, Э. Ноэль-Ноймана, Ю. Хабермаса, – этот список может быть продолжен. Однако, на наш взгляд, он будет неполон без «философствующего социолога» Никласа Лумана, который внес особый вклад не только в трактовку понятия общественного мнения, но и в само понимание общества как грандиозного комплекса социальных систем. Так, например, исследуя возможность массмедиа быть «реальной четвертой властью» и формировать общественное мнение, Н.К. Радина заявляет, что «среди теорий, которые помогают связать власть и массмедиа таким образом, чтобы на этой основе было возможно операционализировать проблему, – коммуникативная теория Никласа Лумана,

разъясняющая роль коммуникации в сосуществовании власти и массмедиа» [2, с. 153].

На наш взгляд, теория Н. Лумана критически относится к идее общественного мнения, силу которого можно понять только при тщательном разграничении нормативных и описательных концепций. Исходя из этого, в данной статье мы противопоставим два тесно связанных понятия – «общественное мнение» (которое является точным переводом авторского выражения *Öffentliche Meinung*) и «публичное пространство». Это различие основано на том, что если первое понятие было задумано в XVIII веке как инстанция, облеченная во все «обещания» Просвещения, и сохранялось как таковое в либеральном дискурсе XIX века, то сегодня оно, как правило, описывает только то, что измеряется институтами опроса, – сегментированную массу частных мнений.

Лумановская концепция общественного мнения и публичного пространства, как и многие элементы его масштабной теории социальных систем, отличается оригинальностью: она отрицает любой нормативный характер. По обыкновению политически действующая публичная сфера определяется как своего рода медиатор, позволяющий донести требования народа до власть предержащих. Так, к примеру, намеренно следуя «традиции Просвещения», Ю. Хабермас рассматривает публичное пространство как площадку, где многие проблемы гражданского общества могут быть тематизированы и обсуждены [3]. Н. Луман отвергает эту эмфатическую концепцию публичного пространства, которое позволило бы гуманным идеалам возобладать в социуме через свободу прессы и подавление цензуры перед лицом государственного разума, «тайных стратегий» и «лицемерия политической власти». Чтобы отчетливее показать, как видится публичность с точки зрения Лумана, мы могли бы сравнить его позицию с позицией Х. Арндт по данному вопросу. Так, по мнению некоторых исследователей, «пространство публичности есть место, в котором, согласно Арндт, совершается политика, а человек может быть по-настоящему свободным»

[4, с. 10]. У Лумана же, напротив, публичность есть ничто иное, как элемент функциональной политической системы. Или, если быть более точным, как «внутриобщественный внешний мир подсистем общества, то есть всех интеракций и организаций, а также общественных функциональных систем и социальных движений» [5, с. 161].

Отметим, что системно-коммуникативная теория Н. Лумана достаточно известна в российской социофилософской среде. В количестве публикаций и исследовательских работ, посвященных творчеству данного немецкого социолога, нет недостатка. Это освобождает нас от многословного изложения всей той громады теоретических положений лумановской социологии, которая не может быть представлена в научной статье. Тем не менее, прежде чем приступить к интересующему нас вопросу более детально, мы испытываем потребность вкратце обозначить тот смысловой и понятийный абрис, в рамках которого особым образом раскрываются идеи Н. Лумана об общественном мнении и публичном пространстве.

Общество и общественное мнение сквозь призму

системно-коммуникативного подхода

Для Н. Лумана общество – это грандиозная аутопойетическая система, которая воспроизводится благодаря коммуникации так же, как живые системы (к примеру, биологические клетки) воспроизводят собственную жизнь, а психические системы – собственное сознание. Последовательно критикуя классическую социологию за «гуманистические предубеждения», немецкий социолог утверждал, что человек, его сознание, ментальные акты, переживания и т. д. – внешний мир для социальной системы, который непроницаем с двух сторон. Система коммуникации – это последовательность сообщений. Психическая система – это последовательность ментальных актов. Оба эти феномена (психическая и социальная системы) отдельные, т. к. состоят из разных элементов – мыслей и сообщений соответственно. Но всякое сообщение становится и содержанием ментального

акта. Поэтому они структурно сопряжены. При этом все равно мысль «подсоединяется» только к мысли, а сообщение – только к сообщению. В подобном смысле революционный тезис Н. Лумана заключается в том, что в общество состоит не из людей, а только из коммуникаций.

Таким образом, различные социальные системы (экономика, религия, наука, массмедиа и проч.) могут функционировать только в своих границах, однако они могут также «понимать» тот факт, что за ними наблюдают из окружающей среды. Общественное пространство определяется в данной перспективе как среда отражения, которая позволяет обществу наблюдать за самим собой. Для Н. Лумана общественное мнение (Öffentliche Meinung) является лишь частным случаем: это публичное пространство, наблюдаемое с точки зрения политической системы. Подобная мысль контрастирует с убеждением, которое рассматривает общественное мнение как «серого кардинала» политической системы, предлагающего ей «шансы на рациональность» [6, с. 287].

Однако цель Н. Лумана не в том, чтобы устранить это понятие из-за его эмфатического характера. Она явно принадлежит к современной политической семантике и, таким образом, направляет общественную коммуникацию. На наш взгляд, социолог скорее намерен реконструировать его на основе теории систем, чтобы выявить истинную социальную функцию. Согласно системному подходу, каждая система сталкивается с проблемой комплексности своего окружения, которую она должна редуцировать (т. е. уменьшить, упростить), чтобы обеспечить собственное воспроизводство. Проблема подобной сложности лежит в основе лумановского системного подхода и возникает с двух точек зрения: как внутренняя комплексность и как комплексность окружающей среды. Внутренне комплексная система – это целостный набор элементов, в котором из-за ограничений возможностей связи не все элементы могут быть связаны между собой. Внешняя же среда всегда сложнее, чем сама система, из которой она выделяется. Отсюда вытекает не-

обходимость редукции комплексности. Системы должны уменьшить хаос своего окружения путем его структурирования. Однако для того, чтобы реагировать на изменения в окружающей среде, они также должны обладать достаточной и соответствующей внутренней сложностью. Системы развивают способность справляться со сложностью за счет внутренней дифференциации подсистем. Поэтому Н. Луман стремится объяснить, как общественное мнение позволяет политической системе уменьшить социальную сложность, достичь «поглощения неопределенности» [6, с. 287], чтобы можно было принимать политические решения.

Такая системная реконструкция общественного мнения требует, прежде всего, понимания его как чисто коммуникативного явления. По мнению Н. Лумана, общественное мнение – это социальный феномен, а поскольку общество состоит с его точки зрения сплошь из коммуникаций, общественное мнение нельзя понимать как выражение индивидуальных мнений. Это связано, прежде всего, с самореферентностью социальной системы: коммуникации рассматриваются как операционально отрезанные от психических систем. Социальные системы возникают из их структурной связи с психическими системами, но имеют операционную замкнутость. Мнения отдельных людей могут раздражать коммуникацию, но не определять ее, потому что социальные системы всегда интерпретируют эти раздражения через *свою собственную логику*. В этих условиях общественное мнение нельзя понимать как выражение, например, того, «о чем думают настоящие мужчины» [7, с. 170]. Примерно схожие рассуждения мы можем обнаружить у французского социолога Пьера Бурдьё. Размышляя об изучении общественного мнения и его ангажированности, он заявляет, что «предлагаемая исследованиями общественного мнения проблематика подчинена политическим интересам, и это очень сильно сказывается одновременно и на значении ответов, и на значении, которое придается публикации результатов» [8, с. 123]. В этом смысле социолог характе-

ризует общественное мнение как «чистейший артефакт», измерение которого, например, в процентных величинах является весьма неадекватным подходом к его оценке [8, с. 164].

Общественное мнение и массмедиа: предпочтение или манипуляция?

При рассуждении в строго коммуникативном ключе общественное мнение рассматривается нами как носитель информации, которому средства массовой информации придают *форму*. Позволим себе сравнить это с грудой песка, из которого можно слепить разные фигурки, – массмедиа из хаоса разноголосицы убеждений и взглядов способны оформить общественное мнение в отчетливую тематику, структурировать. Они конструируют реальность на основе выбора, руководствуясь дистинкцией «информация/не информация». Подобный бинарный код диктует предпочтения, предписывая правила внимания: телевидение, пресса или радио ценят новизну, увлекаются моральными оценками и предпочитают количественные данные. Прежде всего они выбирают сенсации, транслируемые в виде конфликтов, скандалов и катастроф. Для них страстно желаемая новизна, нечто «девиантное» и «удивительное».

Тем не менее Н. Луман отвергает любую форму манипулирования общественным мнением, признавая при этом, что средства массовой информации (СМИ) способствуют подозрению в манипулировании, поскольку, исходя из наблюдения второго порядка, люди могут спросить себя, почему СМИ рассматривают одну тему, а не другую: «“Манипуляция” общественным мнением становится возможной и даже может быть заподозрена и предположена <...> Но представление манипулируемости (часто иллюзорно преувеличенное) является существенным измерением средства наблюдения второго порядка» [6, с. 228]. Н. Луман в данном случае придерживается модели формирования сюжета новостных сводок, согласно которой массмедиа только ставят вопросы на повестку дня: «вопросы производятся как формы общественного мнения» [7, с. 168]; они *навязывают*, что человек должен думать, при этом *не пред-*

писывая, что он должен думать. Соглашаться с мнением того или иного эксперта, остро или равнодушно реагировать на новости – личное дело каждого, и едва ли кто-то готов признать за собой, что был «одурачен медийщиками»; обычно эти упреки сыплются из уст сторонних наблюдателей, у которых есть свои, отличные от других, эксперты и новостные порталы. Массмедиа предлагают точки зрения, а дальше, что называется «кому что нравится», «меня обманывать нетрудно – я сам обманываться рад». Как верно подмечает виднейший отечественный исследователь творчества Н. Лумана А.Ю. Антоновский: «в самих массмедиа нет манипуляций и нет фальсификаций, а есть лишь правила селекции событий. Фальсификация и манипуляция – значения, которые приписывает наблюдатель для организации своих собственных (например, научных или политических) коммуникаций. Вся беда в том, что обвинитель и обвиняемый здесь равноправны» [9, с. 229].

Политическая система и общественное мнение

Как мы успели подчеркнуть выше, Н. Луман определяет общественное мнение как некую внутреннюю сугубо для политической системы среду политических организаций и взаимодействий. Это следует понимать из тезиса об операционной закрытости любой системы, который подразумевает, что та не может пересекать свои собственные границы. Однако она может отражать такое ограничение, предполагая, что другие системы ответственны за раздражения, которые она испытывает. Политическая система принимает тот факт, что за ней наблюдают извне; а общественное мнение – это именно то зеркало, через которое она наблюдает за собой. Таким образом, общественное мнение обеспечивает аутичность системы политики, при этом оно «не служит для установления контактов с внешним миром; оно обеспечивает самореферентную закрытость политической системы» [7, с. 172], что позволяет последней направлять свою деятельность.

Такая реконструкция общественного мнения приводит, на наш взгляд, к разочарованному взгляду на демократию. Из-за замкнутости

социальных систем ее нельзя определить как политический режим, где суверенитет народа гарантирован его информированным участием в выработке общественного мнения. Немецкий социолог сетует: «Это заставляет нас прежде всего болезненно отказаться от ожиданий рациональности и надежд, возлагаемых на оживление республиканской гражданской жизни» [7, с. 172], поскольку отсутствует коммуникация политической системы с индивидами. Однако Н. Луман не сводит демократию к чистой фикции. Ученый определяет ее как политическую систему, которая операционально закрыта наблюдением второго порядка через общественное мнение и чьим кодом является различие между правительством и оппозицией. Демократия – это политический режим, который допускает постоянное чередование правительства и оппозиции и предлагает баланс между стабильностью и разнообразием, что позволяет политической системе сохранять себя: правительства меняются, но она остается. В этом смысле мы должны быть осторожны и не путать семантику демократии с реальностью. Согласно демократической семантике избиратели выбирают людей, которые заседают в законодательных органах и косвенно в правительстве; правительство принимает решения, которые администрация реализует. В действительности же последняя готовит решения, принимаемые правительствами и парламентами. Общественное мнение лишь реагирует, одобряя или не одобряя эти решения. Поэтому, с нашей точки зрения, «демократии» основаны не на суверенитете народа и выборах, как это обычно имеет место быть в качестве расхожего мнения, а на организациях, процедурах и институтах, которые остаются относительно стабильными и позволяют ненасильственно чередовать правительство и оппозицию.

Таким образом, мы можем заключить, что роль народа является чисто символической. Демократический нарратив – это миф, функция которого заключается в легитимации политической системы. Народная воля – это фикция, порожденная «квазимагическим» событием

выборов: «В тексте своего самоописания демократия предполагает народ как некую высшую инстанцию, в рамках которой совершается чудо превращения индивидуальных волей в общую волю» [6, с. 366]. Общественное мнение вносит свой вклад в это необходимое фиктивное повествование. Что на самом деле думают люди, когда голосуют, остается неизвестным, а мнения слишком разнообразны, чтобы найти адекватное выражение на выборах. Этот простой факт не позволяет представить общественное мнение как общее выражение индивидуальных мнений. На наш взгляд, оно всего лишь коммуникативная конструкция, которая дает политической системе выполнять свою функцию по принятию коллективно обязательных решений.

Наряду с этим мы можем понять, отчего Н. Луман наиболее известен и критикуем за его «враждебность к этическим иллюзиям», «безэмоциональное» наблюдение за миром, которое словно засасывается логикой освоения комплексности и хаотичности. Ученого часто упрекают в отсутствии критической воли, цинизме или неявном допущении функциональных требований сохранения системы. Так, например, Н. Луман заявляет: «Политические действия в государстве всеобщего благосостояния должны исходить из того, что обстоятельства, на которые оно направляет свои усилия (по их поддержанию или формированию. – И.С.), неожиданным образом трансформируются самими усилиями» [10, с. 10]. Подобная идея, с точки зрения итальянского философа Данило Золо, означает не что иное, как молчаливую защиту либерального капитализма. По его мнению, интервенционистская стратегия государства всеобщего благосостояния, при которой законодательство вторгается в другие подсистемы, «перегружает закон до такой степени, что искажает его регулятивную функцию. Такая перегрузка приводит к хаотичному законодательству, которое усложняет правовую систему, и эта тенденция препятствует ее рациональной самопрезентации. Против этой тенденции Луман <...> защищает автопоэти-

ческую автономию социальных подсистем, в частности, экономики, образования и семьи. Другими словами, аутопойетическая парадигма представляет собой оправдание политики дерегулирования» [11, с. 63]

Вывод

Одну из главных заслуг Н. Лумана в процессе работы над коммуникативной теорией общества, претендующей на универсальность, мы усматриваем в формировании особого языка описания общества. По нашему глубочайшему убеждению, то, как описывается проблема, сквозь какую теоретическую оптику она рассматривается, имеет колоссальное значение в эвристическом потенциале исследования, в осуществлении анализа или формировании прогнозов.

Системно-коммуникативный подход раскрывает неочевидные и нетривиальные стороны такого феномена, как общественное мнение. Мы часто можем слышать расхожие заявления, что этим мнением могут «манипулировать», что его «уводят в сторону от насущных проблем», «направляют туда, куда надо», и, на первый взгляд, очевидность подобного рода утверждений не оставляет сомнений. Однако на проверку оказывается не так все просто. С опорой на системно-коммуникативный подход мы можем видеть, что массмедиа как особая социальная система это мнение скорее *оформляют*, чем *формируют*. Один из президентов Соединенных Штатов Америки Дж. Куинси Адамс заявил, что массы народа «не могут ни судить, ни действовать, ни выражать свою волю, выступая в качестве политического целого». При помощи массмедиа разного рода темы в СМИ, заголовки, колонки, сводки, отобранные по определенному принципу, поставляются в массы, и каждая новость находит своего читателя. Вернее даже напротив – читатель сам находит свою новость. Очевидно, это процесс обоюдный. Редко бывает, чтобы потребитель новостей задавался вопросом: «А почему именно *эту* новость мне предложили *сегодня?*» Люди слушают и читают то, что *хотят* слушать и читать, и, следовательно, верят в то, во что *хотят* верить. В силу этого мы мо-

жем зачастую наблюдать, как люди, свято убежденные в «аргументах и фактах» своего колумниста или своей газеты, наотрез отказываются допустить точку зрения, изложенную в другом издании, даже если она тоже подкреплена аргументами и фактами. Так, например, исследуя, как представлены в широких обсуждениях этические проблемы национальных меньшинств в европейском обществе, Тен А. ван Дейк отмечает, что «аргументация на темы о преступности или культурных различиях для повседневной коммуникации подбиралась в основном из прессы» [12, с. 168]. При этом «статьи из прессы воспринимались как основное “доказательство” в поддержку предвзятости по отношению к меньшинствам» [12, с. 168].

Таким образом, общественное мнение оформляется, становятся различимы тренды, и политическая система, словно вглядываясь в него как в зеркало (что мы отметили выше), способна принимать некие решения. Аналогия с зеркалом нам представляется весьма удачной – как девушка, которая смотрит в него в стремлении повысить степень привлекательности (при этом невозможно упрекнуть ее в навязывании своей внешности зеркалу), так и политическая система, всматриваясь в общественное мнение, формирует свой образ подстать сугубо собственным целям. Например, для пролонгации функционирования и сохранения баланса внутренних сил.

Вместе с тем может возникнуть справедливый вопрос: а способен ли системный подход Лумана предоставить адекватный ответ на вызовы, которые стоят перед современными социальными науками, в частности на понимание того, как происходят изменения общественного мнения? Ответ может показаться несколько неоднозначным. Все дело в том, что коль скоро мы опираемся на теорию Н. Лумана, можно сказать, что изменяется не общественное мнение, а темы, которые селекционируются и транслируются со стороны массмедиа; общественное мнение не «меняется», а «переоформляется», т. к. нет его субъекта в строгом смысле. Немецкий социолог считал общественное мнение не просто лабильным, а вообще «чистым артефактом прессы» [6, с. 284].

Как верно отмечает А.Ю. Антоновский: «Массмедиа формируют (в том смысле, что “представляют себе” его именно таковым) “общественное мнение”, и сами вынуждены реагировать, приспособливаться к этим своим “представлениям” о нем, учитывать их в выстраивании своих собственных коммуникаций» [9, с. 226].

Тем не менее подобный системно-коммуникативный подход Н. Лумана, как и всякая методология, не обходится без критических замечаний в свой адрес. Так, Г. Герим упрекает данную концепцию за трудность в верификации некоторых ее элементов, в частности идеи аутопойезиса, что усложняет использование теории для анализа эмпирического материала [13, с. 6]. Схожую точку зрения высказывает и Б. Мойер, заявляя, что теория Н. Лумана оторвана от реальной жизни [14, с. 904]. Объектом критики также стало и то, что немецкий социолог исключает конкретного человека из социальной системы действий и процессов, об этом заявляют А. Кизерлинг [15, с. 176] и даже научный руководитель Н. Лумана Х. Шельски [16, с. 241]. Однако подобные негативные оценки носят сугубо «идеологический» характер, которые сам немецкий социолог критиковал как содержащие гуманистические предубеждения.

Тема общественного мнения и публичного пространства как никогда демонстрирует свою злободневность. В силу этого наше стремление исследовать данную проблематику в связке с системно-коммуникативным подходом было неслучайно. Уже упомянутая нами Н. Радина отмечает, что в актуальной теме анализа массмедиа, власти и общественного мнения «среди наиболее эвристичных и методологически выверенных социально-конструктивистских теорий – взгляды Никласа Лумана, объединяющие текст, коммуникацию и власть» [2, с. 142]. Подытожив, мы можем с уверенностью заявить, что системно-коммуникативный подход, который предлагает особенные, подчас неожиданные интерпретации самых разнообразных социальных феноменов, демонстрирует не только оригинальность, но и нередко солидный эвристический потенциал.

Список литературы

1. Koselleck R. A Response to Comments on the *Geschichtliche Grundbegriffe* // The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte. Occasional Paper № 15 / ed. by H. Lehmann, M. Richter. Washington: German Historical Institute, 1996. P. 59–70.
2. Радина Н.К. Управление массмедийным дискурсом как функция коммуникативного кода власти // Полит. наука. 2017. № 2. С. 138–156.
3. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.И. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
4. Саликов А.Н., Жаворонков А.Г. Трансформация публичного пространства в условиях революции: взгляд из перспективы Ханны Арендт // Соц. обозрение. 2018. Т. 17, № 1. С. 9–29. DOI: [10.17323/1728-192X-2018-1-9-29](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-9-29)
5. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
6. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. 444 s.
7. Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Band 5. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 170–182.
8. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Е.Д. Вознесенской и др. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
9. Антоновский А.Ю. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности? // Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 221–248.
10. Luhmann N. Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. München: Olzog, 1981. 158 s.
11. Zolo D. Autopoiesis: Critique of a Postmodern Paradigm // Telos. 1990. Vol. 1990, № 86. P. 61–80. DOI: [10.3817/1290086061](https://doi.org/10.3817/1290086061)
12. ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматава. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
13. Gerim G. A Critical Review of Luhmann's Social Systems Theory's Perspective on Mass Media and Social Media // J. Humanity Soc. 2017. Vol. 7, № 2. P. 1–24. DOI: [10.12658/human.society.7.14.M0218](https://doi.org/10.12658/human.society.7.14.M0218)
14. Meuer B. Kritische Bemerkungen zur Systemtheorie // Das Argument. 1973. Band 11/12, № 83. S. 883–908.
15. Kieserling A. Niklas Luhmann, Zweckbegriff und Systemrationalität / ed. by K. Türk // Hauptwerke der Organisationstheorie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2000. S. 178–181.
16. Guibentif P. Niklas Luhmann und die Rechtssoziologie: Gespräch mit Niklas Luhmann, Bielefeld, den 7. Januar 1991 // Z. Rechtssoziol. 2000. Band 21, № 1. S. 217–245. DOI: [10.1515/zfrs-2000-0109](https://doi.org/10.1515/zfrs-2000-0109)

References

1. Koselleck R. A Response to Comments on the *Geschichtliche Grundbegriffe*. Lehmann H., Richter M. (eds.). *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte*. Occasional Paper No. 15. Washington, 1996, pp. 59–70.
2. Radina N.K. Upravlenie massmediynym diskursom kak funktsiya kommunikativnogo koda vlasti [Management of Mass Media Discourse as a Function of the Communicative Code of Power]. *Politicheskaya nauka*, 2017, no. 2, pp. 138–156.
3. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Berlin, 1962. 291 p. (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva*. Moscow, 2016. 344 p.).
4. Salikov A.N., Zhavoronkov A.G. Transformatsiya publichnogo prostranstva v usloviyakh revolyutsii: vzglyad iz perspektivy Khanny Arendt [The Revolutionary Transformation of the Public Realm: An Arendtian Perspective]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2018, vol. 17, no 1, pp. 9–29. DOI: [10.17323/1728-192X-2018-1-9-29](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-9-29)
5. Luhmann N. *Die Realitat der Massenmedien*. Wiesbaden, 2004. 220 p. (Russ. ed.: Luman N. *Real'nost' massmedia*. Moscow, 2005. 256 p.).
6. Luhmann N. *Die Politik der Gesellschaft*. Frankfurt am Main, 2000. 444 p.
7. Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung. Luhmann N. *Soziologische Aufklärung*. Vol. 5. Wiesbaden, 2009, pp. 170–182.
8. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Political Sociology]. Moscow, 1993. 336 p.
9. Antonovskiy A. Yu. Massmedia – transtsendental'naya illyuziya real'nosti? [Are Mass Media a Transcendental

- Illusion of Reality?]. Luhmann N. *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow, 2005, pp. 221–248.
10. Luhmann N. *Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat*. Munich, 1981. 158 p.
11. Zolo D. Autopoiesis: Critique of a Postmodern Paradigm. *Telos*, 1990, vol. 1990, no. 86, pp. 61–80. DOI: [10.3817/1290086061](https://doi.org/10.3817/1290086061)
12. van Dijk T.A. *Discourse and Power*. Houndsmills, 2008. 308 p. (Russ. ed.: van Deyk T.A. *Diskurs i vlast': Rezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Moscow, 2013. 344 p.).
13. Gerim G. A Critical Review of Luhmann's Social Systems Theory's Perspective on Mass Media and Social Media. *J. Humanity Soc.*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 1–24. DOI: [10.12658/human.society.7.14.M0218](https://doi.org/10.12658/human.society.7.14.M0218)
14. Meuer B. Kritische Bemerkungen zur Systemtheorie. *Das Argument*, 1973, vol. 11/12, no. 83, pp. 883–908.
15. Kieserling A. Niklas Luhmann, Zweckbegriff und Systemrationalität. Türk K. (ed.). *Hauptwerke der Organisationstheorie*. Opladen, 2000, pp. 178–181.
16. Guibentif P. Niklas Luhmann und die Rechtssoziologie: Gespräch mit Niklas Luhmann, Bielefeld, den 7. Januar 1991. *Z. Rechtssoziol.*, 2000, vol. 21, no. 1, pp. 217–246. DOI: [10.1515/zfrs-2000-0109](https://doi.org/10.1515/zfrs-2000-0109)

DOI: 10.37482/2687-1505-V250

I'ya E. Sapan

Lomonosov Moscow State University;

Leninskie gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8300-1679> e-mail: isapan1994@gmail.com

PUBLIC OPINION AND PUBLIC SPACE: THE SEMANTIC RELATIONSHIP WITHIN THE SYSTEMS-COMMUNICATIVE APPROACH

In this article, the author investigates two social phenomena, namely, public opinion and public space, within the framework of the systems-communicative approach. The study is relevant due to the fact that today, both in Russia and beyond, the topic of public opinion, publicity and mass beliefs has received great attention from various spheres of public life, in particular, the political sphere, which can automatically generate research interest within the academic environment. The theoretical basis for this paper is Niklas Luhmann's general social theory. The purpose of the study is to explicate the special characteristics of public opinion as a truly unique communication space necessary for the political system to reproduce itself. The author considers the problem of the interpretation of public opinion and its characteristics as a communicative phenomenon and consistently outlines the construct of Luhmann's theoretical positions. Recognizing the special role of the media as an actor that gives a distinct shape to public opinion, the author demonstrates that the popular view of mass media as a manipulator of mass beliefs is often exaggerated and even prescribed: being guided by the desire to create a sensation, mass media can offer or even impose an agenda, but cannot force its full acceptance. It is postulated here that not only does the news seek its reader, but the reader seeks his/her news. Based on these positions, the author concludes that, within the framework of the political system, public opinion is a communicative tool for making universally binding decisions, rather than a sum of individual views, thus demonstrating the mythological content of the concepts of democracy, elections, and popular will.

Keywords: *public opinion, public space, mass media, social system, politics, manipulation, communication, N. Luhmann.*

Поступила 14.10.2022
Принята 05.04.2023
Опубликована 17.04.2023

Received 14 October 2022
Accepted 5 April 2023
Published 17 April 2023

For citation: Sapan I.E. Public Opinion and Public Space: The Semantic Relationship Within the Systems-Communicative Approach. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 103–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V250